

Юные годы ¹⁾.

Воспоминанія о медицинскомъ факультетѣ (1868—73 гг.) Московскаго университета.

Теперь я скажу о клиницистахъ и на первомъ мѣстѣ поставлю Григорія Антоновича Захарьина, директора терапевтической клиники.

О Захарьинѣ и при жизни его и послѣ смерти ходило такъ много разсказовъ и анекдотовъ, его пере-суживали на разные лады, критиковали, бранили, имъ и восторга-лись, словомъ, онъ своею личностью заинтересовалъ не только мѣръ медицинскій, но и публику. Вотъ почему мнѣ хочется передать свои воспоминанія о немъ не только, какъ о профессорѣ, но и какъ о врачѣ-практикѣ при моихъ встрѣчахъ съ нимъ уже много лѣтъ послѣ моего окончанія курса.

Захарьинъ былъ человекъ большого ума. Онъ занялъ кафедру въ то время, когда старая рутина въ Московскомъ университетѣ еще не уступила мѣста новымъ вѣяніямъ западной науки, и онъ съумѣлъ своей талантливостью и силой ума занять выдающееся положеніе среди другихъ профессоровъ. Я говорю о томъ времени, когда большинство профессоровъ ограничивалось, такъ сказать, домашнимъ воспитаніемъ и за новыми познаніями въ заграничные университеты не ѣздило; нѣкоторые профессора того времени читали лекціи на непонятномъ уже молодежи латинскомъ языкѣ. Если въ мое время клиники, анатомическій театръ и прочіе кабинеты были такъ плохо поставлены, то при его начальной дѣятель-

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

ности все это было прямо ужасно. Захарьинъ по окончаніи курса поѣхалъ за границу, потомъ занялъ мѣсто ассистента при проф. Оверѣ и сразу, еще до полученія кафедры, обратилъ на себя общее вниманіе обширными познаніями и новыми взглядами на преподаваніе. Онъ выработалъ научный методъ діагноза, планъ терапіи и, что очень важно, создалъ свою школу. Нѣкоторые выдающіеся потомъ профессора нашего университета: А. А. Крюковъ, психіатръ С. С. Корсаковъ, А. М. Остроумовъ, Нилъ Фед. Филатовъ, А. Ф. Снегиревъ, С. С. Головинъ, Ротъ были его школы.

Захарьинъ разбиралъ больныхъ удивительно; всѣ его вопросы больному были по строго опредѣленной системѣ, въ нихъ не было ничего лишняго, а если больной перебивалъ разспросъ, желая вставить что-нибудь, то Захарьинъ строго, иногда— правда— грубо останавливалъ таковыхъ. Когда она считалъ свой разспросъ оконченымъ и говорилъ: „теперь вы можете дополнить, что мнѣ неизвѣстно“, то больной уже не находилъ дополненій, потому что коротко и ясно все было исчерпано. При изслѣдованіи онъ перкутировалъ громко, чтобы вся аудиторія слышала оттѣнки тоновъ; выслушваніе производилъ быстро, не приставляя стетоскопъ для провѣрки 2 раза къ одному мѣсту. Изслѣдованіе не ограничивалось только тѣмъ органомъ, на которомъ было сосредоточено все вниманіе больного, а обслѣдовался весь организмъ; иногда этотъ „Захарьинскій разборъ“ длился всю его лекцію, а выводы (собственно чтеніе лекціи) переносились на слѣдующую. Какія дивныя лекціи мы слушали: все было взвѣшено, мысль излагалась ясно, глубоко обдуманно; его своеобразная дикція и слогъ лаконичный врѣзывались въ память. Онъ говорилъ о данномъ случаѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы черпаемъ познанія общія по этой болѣзни, потому что симптомы берутся лишь какъ прототипъ цѣлаго отдѣла подобныхъ болѣзней; обладая необычайной памятью, онъ приводилъ намъ уже бывшіе передъ нами подобные же случаи и группировалъ ихъ такъ, что они стояли передъ нашими глазами.

Діагнозъ онъ ставилъ такъ логично, что никакихъ сомнѣній въ насъ не проявлялось, да онъ, за рѣдкими развѣ исключеніями, подтверждался вскрытіемъ, если умершаго можно было вскрыть. Если не измѣнила мнѣ память, рѣдкая форма сифилиса легкихъ была впервые установлена Захарьинымъ въ наше время (за нѣсколько лѣтъ до открытія Кохомъ туберкулезной палочки). Прогнозъ его рѣдко не подтверждался, но онъ былъ въ этомъ предсказаніи очень остороженъ, и я запомнилъ его совѣтъ, что врачъ никогда не долженъ открывать близость смерти тяжело-больному; надо избрать для этого болѣе благоразумнаго изъ близкихъ, чтобы

онъ не открылъ страшной тайны умирающему. Въ заботѣ о врачѣ Захарьинъ говорилъ намъ: „не говорите прямо „больной умретъ“, а говорите: „больной опасенъ, но не безнадеженъ, ибо, въ случаѣ ошибки вашей, вы не будете дискредитированы въ мнѣніи окружающихъ больного“. При назначеніи лѣкарствъ у Захарьина были излюбленныя средства, и при томъ немного, а все, въ чемъ онъ не былъ увѣренъ—онъ отбросилъ; сложные рецепты не прописывалъ, ограничивался двумя-тремя ингредиентами. При лѣченіи онъ особенно обращалъ вниманіе на обстановку и образъ жизни больного, на мѣстность возвышенную или низменную, смотря по роду болѣзни.—Несмотря на то, что онъ былъ къ своимъ слушателямъ строгъ до грубости и былъ далеко не того направленія, какъ были мы, шестидесятники, его лекціи бывали переполнены студентами, жаждавшими услышать новое слово науки.

Во время его лекцій соблюдалась абсолютная тишина, и малѣйшее невниманіе къ нему его уже раздражало. Вспоминаю, напр., что студентъ вертѣлъ въ рукѣ карандашъ. Захарьинъ замолчалъ и строго уставился въ сторону студента, а тотъ, не замѣчая взгляда, продолжаетъ свое невинное занятіе...

— Г. студентъ!—заговорилъ вдругъ Захарьинъ грозно. — Какъ ваша фамилія? Что вы дѣлаете? Вы путаете мои мысли? Я не могу продолжать лекцію! Вы точно кавалеристъ какой!

Очертивъ Захарьина, какъ профессора, я скажу о томъ, что слышалъ объ немъ, какъ о врачѣ-практикѣ отъ лицъ его знавшихъ, а также и по моимъ личнымъ встрѣчамъ съ нимъ у больныхъ, когда я былъ уже врачомъ.

Захарьина порицали особенно за то, что онъ назначалъ сотни рублей за посѣщеніе больныхъ на дому, за то, что въ его амбулаторіи было вывѣшено объявленіе съ указаніемъ платы въ такіе-то дни 50 р., а въ такіе 100 р. Это-де не соотвѣтствуетъ нравственнымъ принципамъ врача. Зналъ эти нападки и Захарьинъ и въ разговорѣ по этому поводу съ моимъ родственникомъ Ив. Ильичемъ Мечниковымъ онъ сказалъ ему такъ: „въ Москвѣ врачей много, есть плохіе, есть и очень хорошіе, кому не нравится моя оцѣнка своего труда и досуга — пусть лѣчится у другихъ. Для бѣдныхъ есть клиники, бесплатныя лѣчебницы, больницы, я не желаю отдавать свои силы и время на благотвореніе; я не могу лѣчить всю Москву!“

Не былъ ли онъ правъ?

Кому изъ врачей не приходилось быть обманутыми своими паціентами? Кто изъ насъ не отдавалъ больнымъ свой трудъ, время, свое здоровье (да здоровье, потому что переутомленіе и нравствен-

ное и физическое подрываетъ здоровье), не получая за это никакого вознагражденія. Утомленнаго земскаго врача зоветь помѣщикъ или какой-нибудь Разуваевъ (Щедринскій типъ) за 30 верстъ и платить гонораръ, котораго не хватаетъ для расплаты съ ямщикомъ. Назначить плату нельзя, потому что ты врачъ. Адвокатъ получаетъ гонораръ по соглашенію. Плевако, Спасовичъ и другія знаменитости брали десятки тысячъ за выходъ на трибуну, имъ не ставилось это въ вину, а Захарьину ставилось и всякому врачу тоже. Его осуждали за это не только въ публикѣ, но и сами врачи, а между тѣмъ этимъ надо бы было подумать о томъ, что если выдающіеся спеціалисты и профессора поставятъ себя въ смыслѣ гонорара на уровеньъ всѣхъ другихъ врачей, то этимъ самымъ они будутъ отнимать у нихъ необходимый для ихъ жизни заработокъ. Захарьинъ заставилъ публику уважать трудъ врача и возвысилъ профессію врача.—Противники Захарьина указывали на такого же гиганта С. П. Боткина, который былъ доступенъ всѣмъ, независимо отъ платы. Пусть я преклоняюсь передъ этой свѣтлой личностью, но не порицаю и взгляда Захарьина по этому щекотливому вопросу. Когда Захарьинъ передалъ свой заработокъ въ 30 тысячъ (не помню за сколько мѣсяцевъ практики, чуть ли не за 4 мѣсяца) въ пользу недостаточныхъ студентовъ, то все-таки кричали, что онъ при его состояніи могъ бы дать не 30—а 60 т.; а когда онъ пожертвовалъ 500 тысячъ на церковно-приходскія школы, то объ этомъ и въ газетахъ писали—зачѣмъ онъ отдалъ на духовныя училища, а не въ другое вѣдомство! Кому какое дѣло!?

Много разсказовъ и анекдотовъ ходило о Захарьинѣ; изъ боязни утомить читателя подробностями, я скажу коротко: то онъ требуетъ, чтобы присланная за нимъ (для посѣщенія больного) карета была съ сидѣньемъ назначенной имъ высоты, то онъ ставитъ условіемъ своего визита, чтобы больной, живущій во 2-мъ и 3-мъ этажѣ, перебрался бы въ 1-й этажъ, то онъ раздражается отъ тиканья маятника стѣнныхъ часовъ, и ихъ останавливаютъ. Укоряютъ его за все это, какъ самодура, а не отнести ли все это вообще къ его нервозности и чрезмѣрной вспыльчивости, при чемъ онъ реагировалъ на пустяки съ аффектомъ.—Когда его пригласилъ въ Петербургъ тяжело заболѣвшій крупознымъ воспаленіемъ легкихъ министръ графъ Толстой, то Государь Александръ III пожелалъ лично узнать отъ Захарьина прогвозъ, и онъ явился во дворецъ. Увидавъ передъ собой лѣстницу, Захарьинъ потребовалъ, чтобы ему поставили кресло на 1-й площадкѣ; отдохнувши тутъ, онъ пошелъ въ пріемную Государя. И это я не отношу къ самодурству, а объясняю тѣмъ, что Захарьинъ страдалъ невралгіей сѣда-

лищнаго нерва, которая не давала ему покоя настолько, что онъ рѣшился на операцію вытяженія нерва. Онъ избралъ частную лѣчебницу доктора Кни. По выпискѣ оттуда, уже съ зажившей раной, онъ, говорятъ, сказалъ какъ-то на лекціи: „со времени моего студенчества хирургія сдѣлала большіе успѣхи, мнѣ сдѣлали новѣйшую операцію и, хотя нѣтъ улучшенія болѣзни, но нѣтъ и ухудшенія“. Видно—во время его студенчества въ большинствѣ случаевъ бывало послѣднее. Чтобы не быть одностороннимъ, я приведу фактъ, говорящій о его черствости и эгоизмѣ.

Когда я былъ гимназистомъ 7-го класса въ Пензѣ, то жилъ у одной особы съ платой за полный пансіонъ 15 р. въ мѣсяць; тутъ же въ комнаткѣ жила такую же нахлѣбницей старая, больная, почти слѣпая, по фамиліи Захарьина. Очевидно, нуждаясь въ деньгахъ, она предложила мнѣ давать уроки франц. языка и занималась со мной ежедневно по 2 часа, за что я платилъ ей, помнится, 3 рубля въ мѣсяць. Она была замужемъ за бѣднымъ помѣщикомъ Саратовской губ. Къ ней часто приходилъ ея сынъ Петръ Антоновичъ Захарьинъ, похожій на нее; человекъ непутевый, безъ образованія, служившій писаремъ въ казенной палатѣ, онъ былъ извѣстенъ въ Пензѣ, какъ специалистъ по дрессировкѣ лягавыхъ собакъ, чтобы имѣть отъ этого заработокъ. Старушка относилась къ урокамъ добросовѣстно и по окончаніи урока нерѣдко разговаривала со мной для практики по-французски; не одинъ разъ она говорила, что вотъ, какъ кончу гимназію и поѣду въ Московскій университетъ, то тамъ увижу ея сына, знаменитаго профессора, директора клиники. Вотъ, думаю себѣ, какъ вретъ старушка! Какой такой знаменитый профессоръ, когда его мать перебивается въ такой нуждѣ! Поступилъ я въ университетъ и, бывши еще на 1 курсѣ, зашелъ въ клинику (на Рождественкѣ была), чтобы посмотреть, какія клиники бываютъ. Прямо изъ швейцарской ведетъ на 2 этажъ широкая лѣстница; по ней сбѣгаетъ ординаторъ впопыхахъ и говоритъ: „идеть, идетъ!“ Всѣ бывшіе внизу подтянулись, оправляютъ пиджаки, какъ при входѣ значительнаго лица, и я вижу, что по лѣстницѣ медленно спускается, слегка прихрамывая и опираясь на трость, человекъ въ черномъ сюртукѣ со строгимъ взглядомъ... Боже мой, да это вылитый портретъ моей старушки, только съ черной бородой!

— Кто это? спросилъ я.

— Это директоръ клиники, проф. Захарьинъ.

Ну, правду сказала мнѣ старушка; этотъ знаменитый профессоръ ея сынъ и родной братъ дрессировщика лягашей! А у него уже тогда были сотни тысячъ въ акціяхъ Рязанской дороги!

Приведу двѣ мои встрѣчи съ Григорьемъ Антоновичемъ, когда я былъ уже докторомъ.

Лѣтъ черезъ 8—10 по окончаніи курса я изъ деревни пріѣхалъ въ Москву и встрѣтился съ однимъ изъ моихъ бывшихъ пациентовъ Н. А. Умановымъ, пріѣхавшимъ сюда изъ Пензенской губ. собственно для совѣта съ Захарьинымъ. Пригласить его на домъ было нелегко; нужно было предварительно позвать къ больному одного изъ его любимыхъ ординаторовъ (конечно, съ особой платой), который, изслѣдовавъ больного, доложить Захарьину, и тогда рѣшится вопросъ, поѣдетъ ли онъ? Что за сватовство такое, я приглашу его и безъ свата, сказалъ я Уманову и поѣхалъ въ клинику. Лекція его была уже окончена, и я хотѣлъ было прямо пройти въ его кабинетъ, но куда тутъ!.. За мной бросились 2 сторожа на ципочкахъ, а клинической фельдшеръ Иловайскій, его любимецъ, преградилъ мнѣ доступъ къ затворенной двери.

— Что вы? Что вы? Какъ это можно безъ доклада! Ради Бога, вы насъ всѣхъ погубите!

Аргументъ былъ настолько вѣскій, что я остановился; зачѣмъ же губить людей?!

— Вы по какому дѣлу?

Я объяснилъ.

— Не поѣдетъ безъ своего ординатора.

— А вы, все-таки, доложите.

— И этого нельзя; да къ нему и войти теперь невозможно.

— Да онъ что же дѣлаетъ?

— Лежитъ и въ потолокъ смотритъ.

— Чего же онъ смотритъ?

— А то смотритъ, что сейчасъ онъ посылалъ меня въ банкъ, купоны отрѣзывать, вотъ теперь лежитъ и сосчитываетъ. Нынче ни за что не приметъ, а, впрочемъ, подождите, часа черезъ два онъ меня позоветъ, я доложу объ васъ; да все равно, безъ своего ординатора не поѣдетъ, увѣряю васъ; мнѣ ли его не знать.

2 часа дожидаться я не хотѣлъ, поѣхалъ къ У—ву, и говорю: „недавно я въ деревнѣ на медвѣдя ходилъ, такъ того легче было изъ берлоги добыть, чѣмъ этого“.

Пришлось обратиться къ ординатору Пр—ву, и консилиумъ былъ назначенъ, но съ тѣмъ, чтобы Ум. перешелъ со 2-го этажа гостиницы въ нижній.

На другой день Захарьинъ пріѣхалъ къ больному въ хорошемъ настроеніи духа и какъ только вошелъ, то, прежде чѣмъ Пр. успѣлъ меня представить ему, онъ взглянулъ на меня пристально и, протянувъ руку, спросилъ: Вы докторъ Филатовъ? Вы меня слушали,

вѣдь вы братъ Нила и Абрама Ѳедоровичей? (Нилъ былъ тогда ординаторомъ дѣтской больницы, а Абрамъ ассистентомъ гинекологической клиники).

Меня эта его память удивила; вѣдь я тотчасъ по окончаніи курса уѣхалъ въ деревню и не встрѣчался съ нимъ ни разу; развѣ мое поразительное сходство съ братомъ Ниломъ дало поводъ назвать меня сразу по фамилии. Послѣ разспросовъ, гдѣ живу, семейный ли и какое отношеніе имѣю къ этому больному, онъ спросилъ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Москву?

— Заняться глазами операціями—отвѣтилъ я.

— У Крюкова?

— Да.

— Прекрасно; вѣдь Браунъ намъ ничего не далъ, а Крюковъ личность свѣтлая, у него вы больше приобрѣтете. Это ваша статья „Офтамологическія наблюденія?“ Прочелъ съ большимъ интересомъ.

Послѣднее было сказано, чтобы сказать любезность, но какъ могъ онъ вспомнить, что 9 мѣсяцевъ тому назадъ была помѣщена статья, не имѣющая никакого отношенія къ его специальности и при томъ въ журналѣ („Медицинское обозрѣніе“), гдѣ въ ежемѣсячныхъ книжкахъ всегда бывало не менѣе 30-ти статей по разнымъ отдѣламъ медицины? Память большая.

На мой вопросъ, могу ли я быть при его консультаціи, онъ сказалъ: „конечно, конечно, вы наблюдали больного, и это очень важно“.

Тутъ произошелъ инцидентъ.

На вопросъ, когда были почечныя колики? больной отвѣтилъ „въ августѣ“.

— А сколько времени продолжались?

— Два мѣсяца, былъ отвѣтъ.

Зах. вдругъ вспыхнулъ:—Ну что вы говорите?—сказалъ онъ рѣзко... Въ августѣ и два мѣсяца. Вѣдь это абсурдъ. Подумайте. Вы путаете мои мысли.

Мой больной (человѣкъ уже лѣтъ за 50) покраснѣлъ и разрыдался; Захарыинъ вскочилъ, бросился ходить по комнатѣ, нервно вздрагивая; я накапалъ въ рюмку капель и подалъ ихъ больному.

— Вы что даете больному, Петръ Ѳедоровичъ? — спросилъ меня Зах. въ волненіи (онъ запомнилъ даже мое имя, подписанное подъ той статьей).

— Валеріановы капли,—отвѣтилъ я, а самъ боюсь, ну, какъ онъ и на меня набросится за это.

— Прекрасно, прошу васъ дайте и мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ оба припадка прошли. „Ну-съ, Ник.

Ал., давайте помиримся, мы оба нервные. Помните, 3 года назад было у насъ съ вами то же. Я уже знаю этого больного, обратился онъ ко мнѣ; онъ совѣтовался со мной въ квартирѣ вашего брата, Нила Федоровича, тогда у насъ такая же сцена была“¹⁾).

Разспросъ и изслѣдованіе продолжались. Сто рублей за визитъ были внесены подъ росписку Пр—ву въ книгу сбора въ пользу студентовъ.

Лѣтомъ 92 года я привезъ на консультацію къ Захарьину мою тяжело-больную жену. Онъ жилъ тогда на дачѣ и для приѣма больныхъ пріѣзжалъ въ Москву на квартиру одного изъ старыхъ своихъ ассистентовъ и велъ пріемъ черезъ ординаторовъ (ихъ называли „Захарьинскіе молодцы“), это все были только-что кончившая молодежь. День, мнѣ назначенный, былъ „сторублевый“, больныхъ, ожидавшихъ очереди, я насчиталъ 18. По комнатамъ, гдѣ были разсажены мы, буквально мыкались эти 4 молодца, торопливо подходили къ больнымъ, спрашивали, заучивали, какъ урокъ, отвѣты для доклада своему кумиру. Подбѣжалъ и къ намъ молодецъ; изъ данныхъ ему свѣдѣній ничего не усвоилъ, и насъ внѣ очереди позвали въ кабинетъ. Страшно мнѣ было тогда, что-то онъ мнѣ объявитъ? Зах. принялъ насъ любезно, предложилъ моей больной рюмку хереса, какъ ослабѣвшей при ожиданіи, спросилъ—откуда мы пріѣхали? и на отвѣтъ мой, что изъ Симбирска, замѣтилъ: „вѣдь, вы жили въ Пензенской губ. въ Саранскомъ уѣздѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги?“

„Удивляй, удивляй своею памятью“,—думалъ я, но мнѣ теперь не до того.

Молодецъ началъ свой докладъ, конечно, все спуталъ и вралъ немилосердно. Я зналъ, что Зах. можетъ вспылить, если перебить его вопросы, но не могъ выдержать и попросилъ разрѣшить мнѣ поправить нѣкоторыя данныя.

— Конечно, вамъ лучше извѣстно,—сказалъ онъ.

Каково же было положеніе молодца, когда мои поправки относились къ весьма важнымъ моментамъ болѣзни.

Зах. бросалъ строгіе взгляды на молодца, тотъ стоялъ блѣдный. Снесетъ онъ ему голову, думалъ я, выгнать онъ его съ должности, молодца.

Послѣ объективнаго изслѣдованія, Зах. проводилъ больную въ сосѣднюю комнату лечь отдохнуть на диванѣ „пока мы побесѣдуемъ съ вашимъ мужемъ“.

¹⁾ Тогда, по разсказу мнѣ брата, была сцена нѣсколько иная, тогда Ум—овъ на одномъ диванѣ рыдалъ, а Зах—нъ на другомъ лежалъ и билъ погами по дивану.

Началась не бесѣда, а его чудный разборъ такой рѣдкой формы болѣзни. Діагнозъ „измѣненіе и опущеніе печени на малярійной почвѣ“ онъ поставилъ увѣренно—на основаніи хода температуры и по условіямъ мѣста жительства.

„Я вамъ благодаренъ, что вы вмѣшались въ сообщеніе моего ординатора; мой взглядъ на сущность болѣзни былъ бы ошибоченъ“.

Назначивъ лѣченіе, онъ сказалъ, чтобы осенью я привезъ больную въ его клинику. „Болѣзнь очень серьезная, но выздоровленіе возможно“, закончилъ онъ свой приговоръ. За визитъ онъ съ меня не взялъ, а равно не позволилъ заплатить и молодцу.

Привезти больную въ клинику мнѣ не пришлось; она скончалась, собравшись ѣхать въ Москву. Вотъ это допущеніе въ посредники только-что кончившихъ врачей было крупной ошибкой со стороны нашей знаменитости. Какъ онъ не замѣчалъ, что они перевираютъ ему факты, а больные при этомъ не смѣютъ перебивать и поправлять ихъ доклады. Одно могу сказать ему хоть въ слабое оправданіе: онъ завелъ этихъ помощниковъ уже подъ старость, когда энергія его мышленія несомнѣнно ослабла.

Вотъ Захарьинъ въ моихъ воспоминаніяхъ, заставившій такъ много говорить о себѣ.

Госпитальная и терапевтическая клиника были въ вѣдѣніи профессора Варвинскаго. Маленькій сѣденькій старичокъ, разбивавшій больныхъ себѣ подъ носъ, вяло, не полно, былъ рѣзкой протовоположностью Зах—на, какъ по наружности, такъ и по познаніямъ—какъ преподаватель. Онъ, можетъ быть, былъ прежде образованный медикъ, но до насъ дошелъ такимъ старымъ, что ему не только разборъ больныхъ былъ уже не подъ силу, но и передвигаться-то было тяжело. Онъ вышелъ у меня изъ памяти въ деталяхъ, но помню я, что онъ былъ даже глуховатъ и при выслушиваніи больныхъ только притворялся, что слышитъ.

Алексѣй Яковлевичъ Кожевниковъ, проф. нервныхъ болѣзней, пользовался у насъ заслуженнымъ авторитетомъ. Это, пожалуй, по глубокой эрудиціи своей спеціальности, тотъ же Захарьинъ, но громадная разница лежала между ними. Насколько Зах. былъ грозенъ въ отношеніи своихъ ассистентовъ, ординаторовъ, студентовъ и больныхъ, настолько Кож. былъ мягокъ, вѣжливъ, тихъ и скромнень. Съ больными онъ обращался въ высшей степени гуманно, мягко. Лекціи его были по содержанію прекрасны. Діагнозъ и прогнозъ онъ ставилъ правильно, что и подтверждалось вскрытіемъ умершаго. Разборъ клиническихъ больныхъ былъ не менѣе подробнень Захарьинскаго. Не знаю, какъ смотрять на него другіе, но я

лично ставлю его не ниже Захарьина, только объ немъ не били въ набатъ, какъ о послѣднемъ.

Мнѣ вспоминается одинъ изъ его блестящихъ діагнозовъ.

По симптомамъ болѣзни ему надо было опредѣлить мѣсто опухоли въ мозгу больного. Путемъ исключеній онъ добрался до этой точки такъ, точно ставилъ кругомъ нея тенѣта, и точка была названа. Больной умеръ; интересъ къ результату вскрытія среди студентовъ былъ огромный; вѣроятно, и самъ онъ интересовался своимъ діагнозомъ, онъ пріѣхалъ на вскрытіе. Вскрытіе (проф. Клейнъ) показало, что эта опухоль была именно въ точкѣ, указанной Кожевниковымъ.

Клиника дѣтскихъ болѣзней проф. Тольскаго была тоже на Рождественкѣ подъ Захарьинской, но небольшая. Тольскій былъ хорошій лекторъ, знающій свою спеціальность, но онъ не проявилъ себя въ ученомъ мірѣ; да, впрочемъ, кто же и писалъ тогда изъ нашихъ профессоровъ? Очень немногіе; я не считаю, конечно, книгу Соколовскаго и брошюру Матюшенкова въ 15 страницъ за серьезный трудъ.

Рѣчь Тольскаго была удивительно витіеватая, такъ напр., я запомнилъ: „Извѣстно, что глисты предпринимаютъ иногда отдаленныя прогулки по обширному тракту нашего кишечнаго канала“... Или: „если посмотрѣть на этотъ вопросъ съ одной стороны, то выходитъ то и то, а если посмотрѣть съ другой стороны, то“... и т. д. Эти фразы, которыми была испещрена его рѣчь, утомляли слушателей, но все-таки не умаляли достоинства его познаній и научнаго разбора больныхъ.

Ассистентами у него были Ремизовъ и Н. Ѳ. Гагманъ. Перваго я не помню, а о послѣднемъ у меня осталось воспоминаніе, какъ о милѣйшемъ человѣкѣ; отношенія его къ намъ были искренни и просты. Высокаго роста, съ крупными чертами лица и громовымъ голосомъ, онъ казался гигантомъ среди той дѣтвора, которую онъ всегда любилъ и былъ ею любимъ. Ник. Ѳед., потомъ основатель и директоръ ортопедическаго института, оставилъ въ насъ лучшія чувства.

Глазной книники при насъ не было, но на Тверской ул. была глазная больница, основанная и функционирующая (также и теперь) на благотворительный капиталъ.—Директоромъ былъ въ ней Густавъ Ив. Браунъ. Онъ читалъ теоретическія лекціи для 4-го курса, а на 5-мъ велъ очень хорошій разборъ больныхъ клинически. Говорилъ онъ по-русски очень неправильно; кромѣ произношенія, онъ часто ошибался въ согласованіи прилагательныхъ мужскаго и женскаго окончанія словъ. Интересно, что Браунъ зналъ

хорошо русскій, французскій, нѣмецкій, польскій, еврейскій, но ни на одномъ изъ нихъ не говорилъ правильно; у него не было материнскаго языка. Когда онъ демонстрировалъ намъ больного, то обращался къ кому-нибудь изъ насъ, чтобы студентъ разбиралъ самостоятельно, при чемъ иногда поправлялъ слова, напр., студентъ говорить лучше, а онъ поправитъ: „нѣтъ, г. студентъ, такъ сказать нельзя, надо: „лутшѣе, лутшѣе“. Или слово „флюктуація“ онъ поправитъ, что надо сказать „флуктуація“.

Извѣстную поговорку: „пуганая ворона куста боится“ онъ передѣлывалъ: „пуганая ворона на кустъ садится!“

Написанное имъ „Руководство по глазнымъ болѣзнямъ“ правильнымъ русскимъ языкомъ (потому правильнымъ, что оно было исправлено его ассистентами) долго оставалось настольной книгой врачей, пока наконецъ вышли переводныя, а затѣмъ и русскія руководства.

Ассистенты Брауна: А. Н. Маклаковъ — читалъ частныя лекціи по офталмоскопіи, — а С. Н. Ложечниковъ велъ отдѣлъ глазныхъ операцій, для чего имѣлись фантомы для вставленія въ нихъ свиныхъ глазъ. Едва-ли $\frac{1}{10}$ часть пятикурсниковъ интересовалась глазами болѣзнями, чтобы посѣщать эти необязательныя лекціи.

Я увлекся собственно отдѣломъ операцій, для этого мнѣ приходилось покупать свиные глаза въ колбасной нѣмца (по 10 к. за пару; почему-то они теперь?). Нѣмецъ долго недоумѣвалъ, зачѣмъ требуется столько глазъ молодому человѣку, пока спросилъ меня и, послѣ моего объясненія, что мнѣ нужно на этихъ глазахъ набить руку для операцій людямъ, добрый нѣмецъ приготавливалъ глаза къ моему приходу уже бесплатно. Послѣ того, какъ я продѣлалъ сотни двѣ операцій катарактъ на фантомѣ, Ложечниковъ просилъ Брауна допустить меня снять катаракту у больного, такъ какъ онъ за меня ручается. Браунъ согласился и во время операціи зорко слѣдилъ за движеніемъ моей руки, готовый тотчасъ поправить малѣйшую ошибку. Операція была удачна.

Въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкоторый рискъ: во 1-хъ, отъ моей ошибки въ разрѣзѣ зрѣніе больного могло пропасть, во 2-хъ, каждый неудачный случай портилъ процентъ благополучныхъ исходовъ. Казалось бы такъ, но какъ ничтожны эти факторы передъ той важной стороной, которая открывается впоследствии въ дѣятельности врача; для оператора вообще, а тѣмъ болѣе для такой тонкой глазной операціи, важно имѣть увѣренность въ себѣ. Даже одна эта операція, подъ руководствомъ профессора, подняла мой духъ, и я, понавъ въ захолустье земскимъ врачомъ, возвратилъ зрѣніе не одной сотнѣ слѣпыхъ бѣдняковъ. Не думаю, чтобы безъ

этого первого опыта я рѣшился оперировать больного самостоятельно. Призналъ ли Браунъ важность этого шага и давалъ ли оперировать послѣ меня другимъ—не знаю, до меня никто изъ студентовъ не дѣлалъ не только такой серьезной, но даже и мелкихъ. Дѣлая операциі катаракты въ деревнѣ, я, однако, не былъ доволенъ исходами и поѣхалъ въ Москву поучиться въ лѣчебницѣ Андр. Ал. Крюкова (потомъ профессоръ глазныхъ болѣзней). Я объяснилъ Крюкову цѣль пріѣзда, онъ предложилъ мнѣ снять при немъ катаракту и остался работой доволенъ.

— Въ чемъ же дѣло, что у меня потеря до 18⁰/₀?—спросилъ я, укладывая вымытый уже ножичекъ въ его наборъ.

Онъ остановилъ меня. Этотъ ножичекъ уже не годится, его надо отдать въ мастерскую заново направить, я же для каждой операциі беру новый ножъ.—А я оперирую однимъ ножомъ десятки—сказалъ я.

— Такъ вотъ вамъ и причина вашихъ потерь; чѣмъ острѣе ножъ, тѣмъ тоньше рана и она заживаетъ легче.

И дѣйствительно, я запасся новыми ножами, и процентъ потерь сразу понизился ¹⁾).

Я привелъ этотъ рассказъ собственно для того, чтобы отмѣтить, какъ поверхностно относились къ намъ наши учителя; ни однимъ словомъ никто не обмолвился объ этомъ; всякій-де самъ догадается, что надо имѣть инструментъ острый. Да, но надо догадаться, что онъ долженъ быть не только острый, но идеально острый.

Кохъ велъ акушерскую клинику. Онъ былъ красавецъ собой и имѣлъ громадную практику. Московскія барыни говорили о немъ „на небѣ Богъ, а въ Москвѣ Кохъ“. Онъ былъ нѣмецъ, но говорилъ такимъ правильнымъ русскимъ языкомъ, какимъ природные русскіе не всегда говорятъ; онъ какъ бы щеголялъ правильностью языка. Лекціи были ясны, точны, какъ заведенная машина. Ни одной лишней, ни одной недосказанной мысли. Очевидно, лекціи были твердо заучены. Это чувствовалось и производило непріятное впечатлѣніе. Можетъ быть и языкъ его былъ такъ правиленъ, что каждая фраза была заранѣе заучена и отшлифована. Онъ умеръ еще не старымъ человѣкомъ.

Упомянувъ о Мих. Петр. Чериновѣ лишь въ нѣсколькихъ словахъ, пот. что въ немъ ничего выдающагося не было въ его изложеніи неважнаго предмета діагностики, я перехожу къ характеристикѣ нашихъ хирурговъ и на первомъ мѣстѣ ставлю проф. Во-

¹⁾ Работы о зараженіи глазной раны микроорганизмами появились уже послѣ и предохраненіе отъ этого еще понизило процентъ потерь.

ронцовскаго, развитого и глубоко изучившаго свой предмет, прекрасно излагавшаго намъ оперативную хирургию, а также ученіе о повязкахъ. Онъ понималъ всю важность практическихъ занятій и, давая намъ дѣлать операціи на трупахъ, онъ требовалъ, чтобы мы дѣлали и разрѣзы и перевязки сосудовъ такъ же отчетливо, какъ и на живомъ организмѣ. Оперативный методъ вырабатывается не памятью мозга, а памятью ощущеній, и онъ старался выработать въ насъ этотъ навыкъ.

Студентъ на экзаменѣ взялъ холодный желѣзный прижигатель не за деревянную рукоятку, а за оливу (тогда прижигателя Пеккелена еще не было), Воронцовскаго точно кто толкнулъ къ студенту; онъ схватилъ его за руку и отдернулъ.

— Вѣдь вы сожгли себѣ руку.

Студентъ, недоумѣвая, говоритъ, что прижигатель теперь холодный.

— Теперь холодный, да, но я просилъ васъ показать весь ходъ операціи, а вы хватаете за оливу, которая для операціи не можетъ же быть холодная. Такъ относиться къ дѣлу нельзя.

Онъ былъ всегда деликатный и серьезный, и только разъ проскользнула на его лекціи шутка, вызвавшая общій смѣхъ. Читая о восстановленіи кончика носа и желая подчеркнуть, что эта операція очень рѣдко удается, онъ привелъ рассказъ, что когда одна барыня просила знаменитаго хирурга Дюпюйтрена восстановить ей кончикъ носа, то тотъ отвѣтилъ ей: „сударыня, легче сдѣлать цѣлаго человѣка, чѣмъ кончикъ носа“.

— Не забудьте, добавилъ Воронцовскій, что Дюпюйтрену было тогда за 60 лѣтъ. Изъ этого вы видите, какъ трудна эта операція ¹⁾.

Для работъ на трупахъ мы собирались въ группы по нѣсколько человѣкъ и приходили по вечерамъ въ зданіе анатомическаго театра съ куполомъ надъ громадной аудиторіей въ 2 свѣта. Этотъ домъ стоялъ особнякомъ въ глухомъ клиническомъ саду, что съ Рождественки тянулся къ Неглинному проѣзду.

Велика сила дѣтскаго воспитанія съ нянюшкиными рассказами о мертвецахъ, встающихъ изъ могилъ, о привидѣніяхъ и т. п.

Я уже студентъ 5 курса, матеріалистъ, не вѣрующій въ загробную жизнь и все-таки отдаю дань этой силѣ. Сговорившись съ товарищами своей группы, я пришелъ на занятія раньше другихъ. За мной захлопнулась на скрипучей пружинѣ дверь первая, вторая

¹⁾ Въ наше время не было еще примѣняемо великое ученіе Листера, благодаря которому всѣ заживленія операціонныхъ ранъ стали проходить безъ осложненій.

и третья, я былъ въ темной прихожей; рядомъ изъ отворенной двери часовни усыпальницы точно глядѣли на меня лики большихъ иконъ, по которымъ скользилъ тусклый мерцающій свѣтъ двухъ-трѣхъ лампадокъ; этотъ свѣтъ освѣщалъ также и лицо покойника, лежавшаго тутъ въ гробу съ сложенными на груди руками. Кругомъ была мертвая тишина, потому что въ этомъ зданіи никто не жилъ. Легкая дрожь пробѣжала по моему тѣлу, и я быстро отворилъ тяжелую дверь въ аудиторію, она захлопнулась и прищемила мое пальто, точно кто-то сзади схватилъ меня сильными руками и не пускаетъ двинуться впередъ. Я въ аудиторіи съ десяткомъ черныхъ столовъ; на четырехъ изъ нихъ лежатъ прикрытые бѣлыми простынями трупы; лунный свѣтъ въ двойной рядъ оконъ освѣщалъ и амфитеатръ скамеекъ, и столы, и мертвыя тѣла. Я былъ охваченъ ужасомъ, уже близкій къ обмороку.

— Сторожъ!—крикнулъ я, и мой голосъ отразился отъ голыхъ стѣнъ, отъ высокаго свода купола и пробѣжалъ по скамьямъ.

Вотъ на одномъ изъ столовъ задвигалась, приподнялась простыня, и что-то грузное соскочило со стола. У меня подкосились ноги, моментъ, пока я разглядѣлъ, что это былъ сторожъ, былъ ужасенъ.

— Извините, ваше благородіе, я все ждалъ студентовъ, никто не идетъ, я прилегу и усну маленько.

Ив. Ник. Новацкій читалъ намъ лекціи по госпитальной хирургіи въ Н. Екатерининской больницѣ. Это была старая, пропитанная міазмами больница, но клиникъ для этого предмета не было. Матеріала у Новацкаго было много, но не было школы, пот. что онъ не отдавалъ должное вниманіе дѣлу. По его операціямъ было видно, что онъ имѣлъ хорошую технику и операторъ былъ опытный, но грязь, его окружавшая, говорила противъ его намѣренія идти по пути прогресса. Ординаторы и самъ профессоръ ходили по палатамъ безъ халатовъ; мало того, ординаторы (Бетлингъ и Насоновъ) надѣвали при операціяхъ свои старые пиджаки, чтобы не пачкать новыхъ; руки мыли только послѣ операцій. Студентовъ не предупреждали, чтобы они послѣ прикосновенія къ заразнымъ больнымъ или изъ анатомическаго театра не входили въ операціонную и не касались бы перевязокъ. Въ его больницѣ, какъ и въ клиникѣ Басова, появлялась не только рожа, но и госпитальный антоновъ огонь, септицемія,—піэмія, о которыхъ теперь вы, студенты, знаете только по книгамъ.

Знаменитый Листеръ еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ положилъ начало ученію о микроорганизмахъ, какъ источникъ осложненія ракъ, но наши доморощенные хирурги, какъ Басовъ, Но-

вацкій, Матюшенковъ, были глухи къ этой новой эрѣ хирургіи; они оставались въ затхлой атмосферѣ еще долго, и потому операціи въ полостяхъ (грудь, животъ) были для нихъ чѣмъ-то запретнымъ, пока наконецъ на смѣну Басова явился Н. В. Склифасовскій, но уже послѣ моего окончанія курса. Раздавшіяся слова уже престарѣлаго генія Н. И. Пирогова указывали имъ тотъ путь, по которому должна идти впередъ хирургія, но всѣ эти истины были писаны не для нихъ.

Новацкій, такъ же, какъ и Басовъ, не допускалъ студентовъ оперировать. Мы такъ и кончили, не сдѣлавъ даже вскрытія нарыва. Какой большой пробѣлъ въ преподаваніи. Я помню, что въ началѣ моей службы въ земствѣ я долженъ былъ готовиться передъ операціей по книжкѣ и какъ только брался за ножъ, меня охватывало волненіе. Только благодаря практической подготовкѣ на трупахъ у Воронцовскаго нѣсколько ободрялся. Проходили года, и вмѣстѣ съ тѣмъ жизненный опытъ преодолевалъ все и давалъ мнѣ право быть руководителемъ другихъ. Заѣзжали ко мнѣ знакомые молодые врачи, и я предлагалъ имъ оперировать въ моей больницѣ. Съ какимъ благодарнымъ чувствомъ они брались впервые за операцію и именно потому, что оперировали въ присутствіи болѣе ихъ опытнаго хирурга. Отъ насъ наши учителя не заслужили этой благодарной памяти. Мнѣ, я знаю, могутъ возразить, что проф. не долженъ рисковать больными, ввѣрившими себя его опытной рукѣ, но вѣдь этотъ взглядъ—узкій; здѣсь, въ клиникѣ онъ можетъ поправить дѣло, но, выпуская на поле дѣятельности врача, никогда не касавшагося ножомъ живого тѣла, рискъ еще большій.

Мнѣ остается сказать еще о двухъ ветеранахъ нашего факультета: оба они были старые, своеобразные: это Вас. Алекс. Басовъ и Алексѣй Иван. Полуниинъ. Басовъ велъ хирургическую факультетскую клинику. Въ свое время это былъ для Москвы извѣстный хирургъ, но когда было это его свое время? Я засталъ его въ 1873 году уже старцемъ лѣтъ 70. Не былъ ли онъ современникомъ извѣстнаго Наполеоновскаго хирурга Ларрея, хотя, конечно, моложе его? Оттого, можетъ быть, онъ не упоминалъ въ своихъ лекціяхъ никого изъ современныхъ заграничныхъ славныхъ хирурговъ, кромѣ Ларрея.

Читалъ онъ лекціи громкимъ голосомъ, излагалъ ясно, но онѣ были мало содержательны, а главное, что ближе Ларрея мы никого, какъ будто, не должны были знать, а это вселяло въ насъ мысль, что онъ сообщаетъ намъ о временахъ давно прошедшихъ, значить, и интереса къ профессору не являлось.

Онъ игнорировалъ не только именами Дюпюйтрена, Вельйо, Бильрота, но даже и къ основателю русской хирургіи нашему великому Пирогову, котораго тогда и европейскіе ученые считали авторитетомъ науки, Басовъ съ высоты своего величія не снисходилъ, хотя самъ онъ если и имѣлъ извѣстность въ Москвѣ, то только потому, что другихъ хирурговъ въ его время въ Москвѣ не было. Объ немъ ходило преданіе, что онъ 1-й сдѣлалъ операцію фистулы желудка, а это тогда считалось вѣнцомъ хирургіи. Высокаго роста, выбритый, сѣдые его волосы уцѣлѣли только вѣничкомъ кругомъ затылка, при чемъ на вискахъ торчали въ стороны и при взглядѣ на него сзади представлялись какъ два прозрачныхъ крылышка; очки держались на кончикѣ носа; въ клиникѣ старый виць-мундиръ; на улицѣ старая шинель кофейнаго цвѣта, цилиндръ зимой и лѣтомъ и пара въ дышло старыхъ гнѣдыхъ коней со старымъ кучеромъ въ старой коляскѣ, вѣроятно, жили при немъ неразлучно уже много лѣтъ. Оперировалъ онъ смѣло и безсердечно, никогда не смущаясь никакими сюрпризами, которые могли бы другого хирурга привести въ отчаяніе. Такъ, напримѣръ, онъ вылуцалъ опухоль на шеѣ. Когда онъ забрался глубоко ножомъ въ рану, мы услышали особенный свистъ, это воздухъ сильной струей входилъ въ перерѣзанную яремную вену и черезъ нѣсколько мгновеній должна наступить неизбѣжная смерть. Басовъ зналъ этотъ зловѣщій свистъ смерти, но онъ не потерялся, что больной умираетъ подъ его ножомъ.

— Слушайте, вамъ рѣдко придется услышать этотъ свистъ, — сказалъ онъ намъ своимъ обычнымъ громкимъ возгласомъ, вымылъ руки и спокойно сталъ обходить съ нами палаты.

Или: „подводить онъ насъ къ больному съ вывихомъ локтя, беретъ его руку и говоритъ:—Вотъ передъ вами luxatio processus olecranon, вывихъ кзади; для вправленія пользуются различными способами; самый лучшій — это двойное приложеніе силъ: вытяженіе за предплечье и быстрое сгибаніе. Вправление совершается легко“.

Говоря это, Басовъ все время вертитъ руку больного, не замѣчая, что даже малѣйшее движеніе вызываетъ судороги въ лицѣ больного отъ страшной боли. Вытянулъ, согнулъ, произошелъ трескъ. Басовъ, не перемѣняя интонаціи, тѣмъ же громкимъ голосомъ продолжаетъ: „вывихъ остался, произошелъ переломъ локтеваго отростка. Иванъ Герасимычъ (его любимый ассистентъ Карчагинъ), наложите повязку“. Безсердечіе было полное въ этомъ человѣкѣ.

Мнѣ скажутъ, что я утрирую; нѣтъ, мои товарищи, помнящіе эти случаи, подтверждаютъ эти факты. Я помню, какъ онъ, окруженный

толпой студентовъ, подходитъ къ постели 7-ми лѣтней дѣвочки и говоритъ такъ:

— Еще Ларрей писалъ, что (послѣ слова что, онъ останавливаетъ рѣчь, какъ будто надо ставить точку съ запятой). Еще Ларрей писалъ, что при сильномъ искривленіи голени надо сдѣлать переломъ для сращенія костей въ прямомъ видѣ. И съ этими словами онъ дѣлаетъ переломъ.—Иванъ Герасимычъ, наложите повязку.—И мы идемъ дальше.

Боже, какой крикъ бѣднаго ребенка огласилъ палату. Надо же имѣть такіе нечувствительные нервы, чтобы не потрудиться дать хлороформъ. Черезъ недѣлю онъ подвелъ насъ къ той же дѣвочкѣ, но такъ какъ онъ уже объяснилъ намъ сущность дѣла, то теперь онъ молча открылъ одѣяльце, взялъ другую ногу, молча переломилъ и эту, сказавъ только, уходя: „Ив. Герасим., наложите повязку“.

Я съ ужасомъ смотрѣлъ на ребенка и на Басова. Первая тряслась, задыхалась отъ боли, лицо было искажено страхомъ, въ лицѣ Басова ни одинъ мускулъ не дрогнулъ, оно было такъ же холодно и спокойно, какъ и въ обычное чтеніе лекцій. И этотъ профессоръ не допускалъ насъ дѣлать операціи; мы не наложили на больномъ ни одной перевязки. Палаты его были все-таки чище, чѣмъ палаты Новацкаго.

Читатель, еще немного терпѣнія; мнѣ остается сказать только о нашемъ деканѣ Алексѣѣ Ив. Полуvinѣ. Кто изъ студентовъ, слышавшихъ Полунина, не улыбнется при разговорѣ объ немъ? Онъ сейчасъ же вспомнить его фигуру, его своеобразную дикцію, манеру, его жесты и, если не содержаніе его лекцій, то хотя бы отрывки?

Онъ читалъ намъ общую патологію, предметъ очень важный и интересный, но только не въ его изложеніи, потому что это изложеніе относилось не къ семидесятымъ годамъ, а пожалуй къ первой половинѣ XIX вѣка; до того все это было старо, безъ какого-либо движенія впередъ. Его фигура и рѣчь были такъ своеобразны, что я не могу не остановиться на этомъ. Вотъ его фигура: объемистый животъ, какъ у беременной женщины; лысая голова съ рѣдѣвшими волосами на затылкѣ и вискахъ, зачесанными по старинной модѣ впередъ, выдающійся, какъ у Сократа, крутой лобъ; усы и борода тщательно выбритые; маленькіе глазки, какъ будто безъ рѣсницъ, смотрѣли сквозь золотыя очки; на кого онъ смотритъ—узнать было нельзя. Носъ формы башмака (утиный) былъ покрытъ мелкой сѣтью тонкихъ, красныхъ жилокъ. Тонкая верхняя губа во время его чтенія то вытягивалась, то подбиралась. Подъ правымъ ухомъ была ярко-малиновая опухоль величиной съ крупную вишню (еще и до

насъ ее называли „шишка“). Маленькіе стоячіе воротнички, крестъ св. Анны на шеѣ и всегда звѣзда на его вицъ-мундирѣ украшали эту фигуру.

Зимой онъ входилъ въ аудиторію въ высокихъ калошахъ и въ енотовой шубѣ табачнаго цвѣта настолько растегнутой, что звѣзда всегда была видна. Входилъ онъ медленной тяжелой поступью, садился на кафедру и нѣкоторое время отдувался; потомъ вынималъ изъ грудного кармана засаленную пожелтѣвшую тетрадку, по которой читалъ изъ года въ годъ многимъ поколѣніямъ студентовъ.

У меня до сихъ поръ сохранился набросокъ карандашемъ его фигуры и лица, что я сдѣлалъ съ натуры во время его лекціи. Сколько веселья вызываетъ этотъ портретъ, когда случается встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ старыхъ врачей моего выпуска, но мы смѣемся не злымъ смѣхомъ, а умиленнымъ, потому что Алексѣй Ивановичъ не оставилъ въ насъ дурного воспоминанія, онъ былъ добрякъ, доступный студентамъ, отзывчивый къ ихъ нуждамъ, только его генеральскій видъ и никогда не улыбавшееся лицо придавали ему видъ строгій.

Читалъ онъ лекціи и говорилъ какъ-то удивительно смѣшно. Я постараюсь описать его дикцію, хотя знаю, что мое описаніе напомнить его лишь слышавшимъ его, неслышавшіе не представятъ себѣ ясно дикцію Полунина. Слушая его, казалось, что онъ не читаетъ, а поетъ, то повышая голосъ, то понижая, и въ соотвѣтствіи съ этимъ его голосъ періодически колебался отъ высокихъ теноровыхъ нотъ, до самыхъ низкихъ басовыхъ. Его рѣчь постоянно и безпрестанно прерывалась вставками словъ: „что или что-то“, „что или что да“ и короткимъ вопросительнымъ „а“? Первое что произносится протяжно въ басъ, а послѣдующія или что-то скороговоркой и почти шепотомъ; букву *a* произносилъ онъ коротко, какъ бы вопросительно. Послѣ нѣсколькихъ періодовъ фразъ происходила пауза, при чемъ слышалось глубокое выдыханіе, иногда съ едва замѣтнымъ свистомъ.

Вотъ 2 отрывка изъ его лекцій, записанные мной слово въ слово; по нимъ можно заключить о содержаніи лекцій и его курьезныя вставки.

Онъ читаетъ намъ лекцію о *delirium tremens* (бѣлая горячка пьяницъ).

„При этомъ у больного разыгрывается фантаазія или „что да“. Больной начинаетъ бредить, а? Какъ будто онъ на яву все видитъ, или что-что. Вотъ онъ сидитъ, будто, за „столомъ“; ему кажется, что гооости кругомъ сидятъ. Что или что что-а?“

Слѣдуетъ пауза съ выдыхомъ.

„Больной начинает угощать ихъ. Иванъ или Сидоръ, что-то, разсуждаетъ больной, подай мнѣ трубку или что-что; закурить дай, а? Что-о или что да. Вотъ-съ, господинъ, наливки не угодно ли? Или что-что? Вотъ-съ Ерофѣичъ, вотъ ратафія или тамъ чтоо-что либо да ¹⁾“.

Продолжительный выдохъ.

„Такъ мнѣ коему больному кажется-то, а его, между тѣмъ, въ чуланѣ заперли или что-что. Воображеніе-то его сильно разыгрывается, что или что да, а?“

А вотъ отрывокъ его лекціи о кормилицѣ, записанный тоже съ натуры.

„Всякая мать обязана кормить своего младенца или что что-да. Обязана... Я говорю обязана по природѣ, а? А у насъ дѣлается такъ или что-что? Чтоо или что-что-а? Приходитъ кормилица и говоритъ: „у меня груди или что-что вотъ какія, ребенокъ что-что вотъ какой, дайте мнѣ жалованье столько-то, сарафановъ или тамъ чтоо или что-что столько-то. Я буду кормить вашего младенца, а своего въ люди отдамъ или что-что-да-а? Я-то совѣтую тащѣ: чтоо или что-что, вотъ тебѣ, кормилица, жалованье, сарафаны или что да, ѣда будетъ хорошая, ты корми своего младенца, а между прочимъ и моего или что-а? или что-что. Смѣются или что-да надъ моимъ совѣтомъ“.

Конечно, совѣтъ гуманный, что и говорить, но какъ же не смѣяться? Кто же послѣдуетъ совѣту добряка Ал. Ив—ча. Какъ деканъ, онъ былъ вполне на мѣстѣ, это былъ аккуратнѣйшій чиновникъ, не оступавшій отъ буквы закона. Во время какого-то экзамена онъ услыхалъ громкій разговоръ среди студентовъ и произнесъ такую рѣчь:

„Г.г. студенты или что-что! Вѣдь экзаааменъ идетъ или что да. Чтооо или что-что-а? Надо поддерживать извѣстную тишину или что-да“.

Когда я былъ на I курсѣ — Захарьинъ уѣхалъ за границу и терапевтич. клинику передали Полунину. Ясно, что студенты 4 курса послѣ блестящихъ лекцій Захарьина не могли переносить лекцій Полунина, одинъ изъ тезисовъ котораго гласилъ: „чѣмъ свѣдущѣе врачъ, тѣмъ онъ осторожнѣе или что-что“, и потому назначеніе его лѣкарствъ сводилось къ отвару алтейнаго корня

¹⁾ Въ наше время трубки были уже рѣдкость. Ерофѣичъ и ратафія тоже давно были выкинуты изъ употребленія; отсюда выводъ, что лекція была составлена Полунинымъ въ то время, когда всѣ курили трубки, а папирсъ еще и въ поминѣ не было.

(descocti alteae), т. е. къ средству индифферентному. Курсъ возмущился, пересталъ посѣщать лекціи Полунина, а такъ какъ это совпадало съ движеніемъ шестидесятниковъ, то были произведены аресты, нѣкоторыхъ исключили навсегда, другихъ на 2—3 года, инымъ дозволили перейти въ другой университетъ. Надо полагать, что вся эта исторія, начавшаяся изъ-за Полунина и окончившаяся такъ серьезно, тяжело отозвалась въ душѣ добраго Алексѣя Ивановича, который такъ сердечно относился ко всѣмъ невздамъ окружающихъ. Объ немъ ходили рассказы, что приглашенный куда-нибудь къ бѣдняку, онъ не только не бралъ за визитъ, но платилъ ему отъ себя или получивъ за визитъ 3 р. и видѣвъ по обстановкѣ, что это тяжело для больного, давалъ ему сдачи 2 рубля.

Воспоминанія свои я кончаю на этомъ добрѣйшемъ человѣкѣ, хотя и бесполезномъ для насъ профессорѣ. Если характеристика нѣкоторыхъ изъ профессоровъ нашего времени вышла у меня рѣзка,—не ставьте въ вину мнѣ, старику, то, что запечатлѣлось въ памяти въ дни моей юности.

Когда кто изъ старыхъ моихъ товарищей, прочитавъ эти воспоминанія, перенесется думами въ свои юные годы и скажетъ мнѣ спасибо за возстановленіе въ ихъ памяти воскресшихъ образовъ, я буду счастливъ.

П. Филатовъ.

